

Глухой рокот прокатился над пустыней, всколыхнув тяжелые пласты песка. В центре взрыва, среди удушливого марева и летящей пыли, земля разверзлась, уходя вниз. Образовался гигантский провал — не менее пятидесяти метров в поперечнике. С краев его, словно жидкий шелк, потекли золотистые струи, бесшумно исчезая в бездонной тени.

— Ого! — Дэн Цин осторожно заглянул в бездну и присвистнул. — Темно, хоть глаз выколи. Какую глубину показывал сканер? Метров четыреста?

Ань Тин подошла ближе, отвесила напарнику легкий подзатыльник и хмуро бросила:

— Хоть четыреста, хоть восемьсот — спускаться всё равно придется.

Дэн Цин опешил.

— Сестренка, ты в своем уме? Это же четыре сотни метров, а не сорок! Похоже, этот храм не просто землетрясением засыпало — он в самую преисподнюю провалился.

Ань Тин украдкой глянула на капитана. Заметив, что тот занят своим делом, она обернулась к напарнику с тем же выражением тихого отчаяния на лице и лишь безнадежно пожала плечами: приказ есть приказ.

Цзян Жуцзин, застыв у края провала, погрузился в хмурое раздумье.

— Я мог бы спустить людей вниз, — произнес он наконец. — Но только по одному за раз.

Все разом обернулись к нему, в глазах вспыхнула надежда.

— Серьёзно?

— Как же мы спустимся?

Даже Ли Ле не скрывал сомнения. Он-то знал истинное положение дел: Цзян Жуцзин едва обосновался в новом теле, лишенном и меридианов, и костей, и капли духовной силы. Он не мог ни поглощать ци, ни летать, ни ходить сквозь землю. Как же он собирался одолеть эту четырехсотметровую пропасть, да еще и с грузом?

Цзян Жуцзин едва заметно улыбнулся:

— Я просто прыгну вместе с кем-нибудь на руках. Я не боюсь разбиться.

— Исключено! — отрезал Ли Ле. Он стремительно подошел к юноше и вперился в него

пронзительным взглядом. — Я не позволю тебе рисковать собой.

— Твоего мнения я не спрашивал, — холодно парировал Жуцзин. — И со мной ничего не случится, так что побереги свои проклятия для кого-нибудь другого.

Ли Ле крепко сжал плечи юноши, он нахмурился.

— Послушай! Это не проклятие. Я не могу допустить и мысли о том, что потеряю тебя снова. Если здесь и есть место опасности, то это мое место! Я всегда буду впереди, закрывая тебя собой!

Пальцы Ли Ле впились в плечи с такой силой, что Цзян Жуцзин поморщился от брезгливости.

— Прекрати ломать комедию, отпусти меня! — Он попытался скинуть чужие руки. Со стороны казалось, что двое просто ведут жаркий спор на самом краю бездны.

Жуцзин всем сердцем ненавидел эти прикосновения. Гнев уже закипал в нем, когда Ли Ле внезапно... улыбнулся. Это была лучистая улыбка, от которой по спине Жуцзина пробежал ледяной мороз.

Юноша вздрогнул. В ту же секунду в плечо толкнул резкий, выверенный импульс — не слишком сильный, но достаточный, чтобы он качнулся назад. Камень под ногами, уже подмытый песком, хрустнул и сорвался вниз.

Ачамоло как раз вытаскивал из машины тяжелую сумку со снаряжением, когда увидел, как Цзян Жуцзин спиной вперед исчезает в черном зеве провала. Не успел он даже вскрикнуть, как над пустыней разнесся полный невыносимой муки вопль Ли Ле:

— Даоцзунь Жуцзин!

И в следующее мгновение Ли Ле, не колеблясь ни секунды, бросился вслед за ним.

— Учитель! — в отчаянии закричал Ачамоло, и слезы мгновенно застлали ему глаза.

Бросив сумку, он со всех ног бросился к осыпающемуся краю и прыгнул в пустоту.

— Четыреста... метров... — Дэн Цин стоял с разинутым ртом, не в силах пошевелиться, пока струйка слюны не привела его в чувство.

***

В ушах свистел ледяной ветер, шум осыпающегося песка казался мерным ударом колокола. Цзян Жуцзин смотрел, как полоска неба над головой стремительно сужается, пока не превращается в тусклую точку среди золотистого марева. Он медленно моргнул.

Ему хотелось плакать.

Если до этого момента в нем еще жили сомнения, если он цеплялся за остатки прежней гордости и чести, то сейчас что-то внутри окончательно надломилось.

Он приоткрыл рот, вдыхая пыль и крупички песка. В его голосе, едва слышном в реве ветра, дрожали рыдания — не от страха, а от бессильного отчаяния.

«Ли Ле.»

Стать таким же, как он.

Только став подобием этого человека — отбросив чувства и совесть, мораль и принципы, соткав жизнь из лжи и предательства, жестокости и эгоизма — он сможет...

Сможет низвергнуть его в ту же бездну!

«Ли Ле...» — Жуцзин шмыгнул носом и плотно зажмурился, не позволяя ни одной слезе скатиться по щеке. Кулаки его сжались до белизны в костяшках.

Спустя добрых полчаса смятение улеглось, и тогда он заметил неладное. По расчетам Дэн Цина, глубина составляла всего четыре сотни метров — около ста двадцати чжанов. Почему же падение длится так долго?

Он осторожно открыл глаза и замер.

Вокруг расстилалось нечто невообразимое. Бескрайние пески закручивались в слоистые, пульсирующие кольца, вращаясь в едином ритме. Он медленно падал в самом центре этого вихря. Волосы разметались, песчинки вокруг сияли мягким янтарным светом; порой они касались его лица, словно живые, и тут же отскакивали прочь.

В тридцати чжанах над ним в такой же позе безвольно дрейфовала человеческая фигура. А еще выше, в сотне чжанов, виднелся еще один силуэт...

Жуцзин посмотрел ледяным взглядом.

— Тень, от которой не избавиться, — процедил он, глядя на Ли Ле. Затем он перевел взор

выше, долго пытаюсь разглядеть третьего преследователя. — Ачамоло?

Должно быть, только этот монах, мечтающий стать Буддой, мог совершить столь глупый поступок.

«Что ж, — Жуцзин жестоко усмехнулся, — забудь о своем просветлении. Не бывать тебе Буддой.»

Он вскинул голову, глядя в бесконечность.

— Давай же, покажи мне, что за тайны скрывает этот Буддийский храм Кхалан!

Спустя десяток вдохов чувство невесомости сменилось резким давлением. Кольца песка внезапно сжались, обрушиваясь на него градом колючих ударов. Ослепительная вспышка заставила зажмуриться, а когда Жуцзин снова открыл глаза, его ноги уже твердо стояли на земле. Вокруг царил тишина, лишь легкий ветерок шелестел в листве далекого леса.

Издали донесся гулкий удар колокола — величавый, исполненный торжественной скорби. Казалось, этот звук способен вымести из души всякую скверну, оставив лишь пустую чистоту.

Колокол пробил сто восемь раз. На сто седьмом ударе Жуцзин огляделся. Закатное солнце, алое, словно вспоротая вена, заливало светом величественную пагоду. Ветер раскачивал бронзовые колокольчики на карнизах, и их звон походил на приглушенные стоны.

Когда последний звук затих, тысячи окон и дверей стоэтажной башни одновременно распахнулись. Темные проемы, уходящие в непроглядную глубину, напоминали разинутые пасти чудовищ, приглашающих гостя войти. Или тысячи черных глаз, скорбно взирающих на незваного пришельца.

Цзян Жуцзин презрительно усмехнулся.

— В былые дни я покорял небеса и земли, прошел сквозь восемнадцать запретных пределов и сокрушал великих демонов. Я не знал слова «страх». И сегодня, будь я хоть простым смертным, неужели я испугаюсь какого-то Ли Ле или этой ветхой башни?

Он встряхнул полы одежд и, чеканя шаг, вошел под своды первого яруса.

<http://bllate.org/book/17530/1706632>